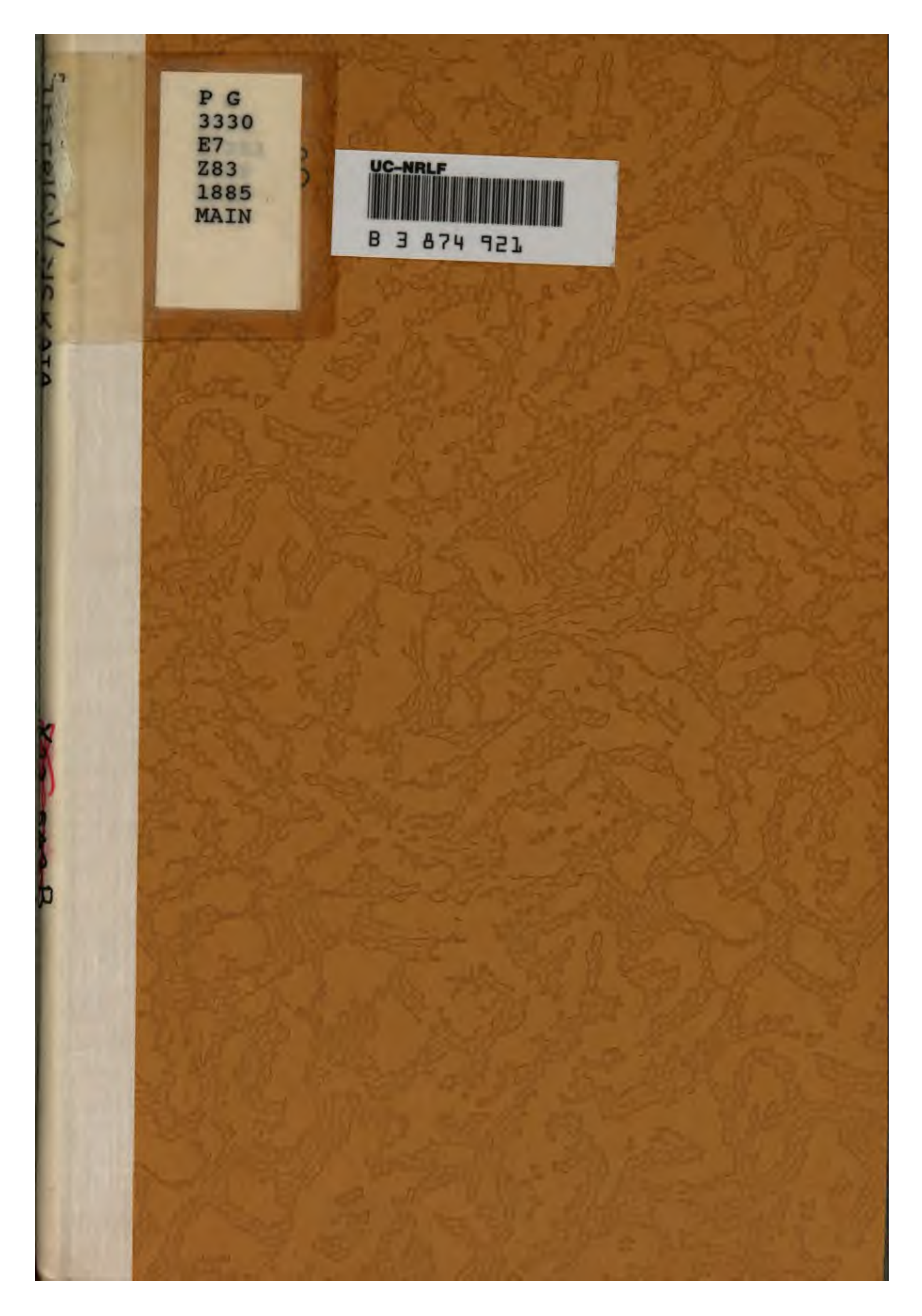
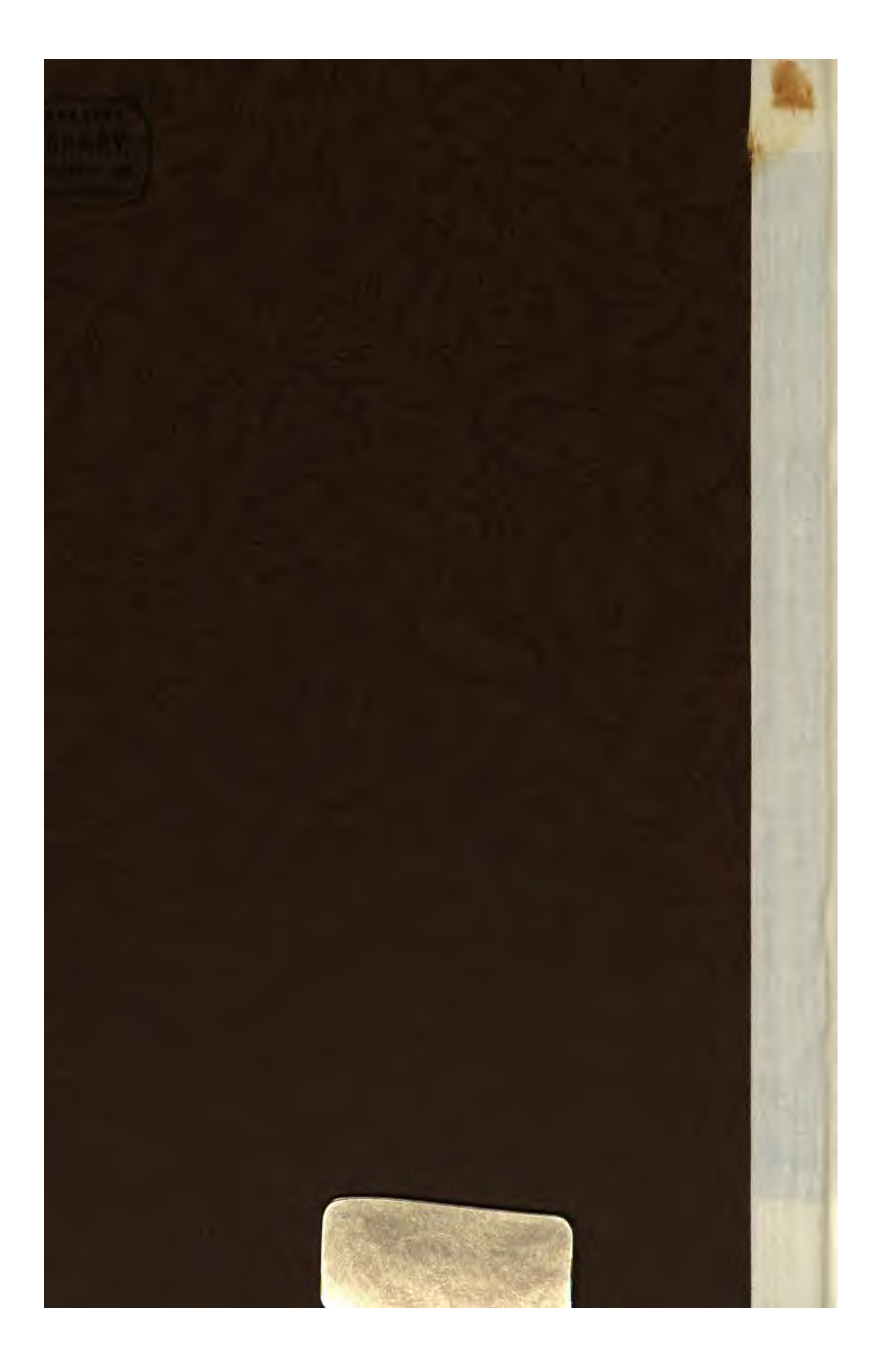

P G
3330
E7
Z83
1885
MAIN
UC-NRLF
B 3 874 921

П. П. ЕРШОВЪ.

(Авторъ сказки „Конекъ-Горбунокъ“).

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. Островинской.

(для дѣтскаго чтенія).

Съ портретомъ передъ текстомъ.

Цѣна 20 коп.

Изданіе Ф. Павленкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. А. Цедербаума, Стремянная улица, № 4.
1885.

П. П. ЕРШОВЪ.

П. П. ЕРШОВЪ.

(Авторъ сказки „Конекъ-Горбунокъ").

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. Островинской.

(для дѣтскаго чтенія).

Съ портретомъ передъ текстомъ.

Цѣна 20 коп.

Изданіе Ф. Павленкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. А. Цедербаума, Стремянная улица, № 4.
1885.

Дозволено Цензурою. Спб., 18 декабря 1884 г.

ПЕТРЪ ПАВЛОВИЧЪ ЕРШОВЪ.

(по воспоминаніямъ университетскаго товарища).

Знать по судьбѣ его бороной прошли.
Народная пословица.

I.

Былъ жаркій, іюньскій день. На улицахъ г. Березова замѣчалась необычная суета; обыватели одинъ за другимъ сновали съ поздравленіями къ небольшому дому исправника, Павла Гавриловича Ершова. Павелъ Гавриловичъ былъ человѣкъ простой, кое-какъ обученный на мѣдные гроши; но природный умъ, честность и доброта оставили по немъ добрую память во всѣхъ городахъ и селахъ Сибири, гдѣ приходилось ему бывать по служебнымъ обязанностямъ.

— Праведная душа! — задумчиво сказалъ старикъ въ синей поддевкѣ, медленно уходя съ крыльца исправницкаго дома.

— Правда твоя, Сидоричъ,—отвѣтилъ толстый купецъ, самодовольно поглаживая свою окладистую рыжую бороду;—мухи не обидитъ. Одно слово — рѣдкій исправникъ!... за то и встрѣчаютъ Павла Гавриловича какъ родного отца.

1

— Помню,—продолжалъ старикъ,—какъ-то попалъ Павелъ Гавриловичъ на пасху въ Сургутъ, маленькій городокъ Тобольской губерніи, прихожане сами пѣли обѣдню, а священникъ, обходя церковь съ крестомъ и громко провозглашая „Христосъ Воскресе", вполголоса шепталъ пѣвчимъ:—„Порадѣйте, православные, Петръ Гавриловичъ здѣсь". Ну и порадѣли-же они; въ ту пору—разсказывалъ Павелъ Гавриловичъ,—нигдѣ и никогда не приходилось ему слышать подобной разноголосицы. А ужъ о мѣстныхъ самоѣдахъ и говорить нечего, они только что не молятся на исправника.

Тѣмъ временемъ на имянинный обѣдъ къ Павлу Гавриловичу собралось все высшее березовское общество: тутъ былъ и судья замѣчательный своей гигантской мѣховой шапкой, и балагуръ экспедиторъ, бывшій деньщикъ, но которому какъ-то посчастливилось получить мѣсто экспедитора. Онъ говорилъ и смѣялся больше всѣхъ.

— Господа, гремѣлъ его басъ: — покорнѣйше прошу взять билетъ на лотерею, останетесь довольны.

— Евдокимъ Ивановичъ опять за свои старыя шуточки, — ядовито процѣдила сквозь зубы жена уѣзднаго лѣкаря.

— Изволите ошибаться, — самодовольно возразилъ экспедиторъ:—я розыгрываю, примѣрно, сказать, пару сапогъ, одинъ совершенно новый, другой починить можно.

Дружный взрывъ хохота привѣтствовалъ выходку мѣстнаго остряка. Ради шутки разобрали билеты. Экспедиторъ былъ въ восторгѣ, на радостяхъ онъ такъ заврался, что его тутъ-же уличили во лжи.

Сконфузившись и желая скрыть свое смущеніе, онъ хотѣлъ взять горсть орѣховъ, но, по ошибкѣ, схватилъ горсть варенья и, окончательно растерявшись, вывалилъ всю свою добычу въ шапку къ судьѣ.

— Благородные люди такъ не шутятъ, Евдокимъ Ивановичъ,—гнѣвно вскричалъ судья, краснѣя какъ ракъ, отъ злости.

— Вотъ вы что надѣлали: вѣдь онъ завтра, пожалуй, не пригласитъ васъ на обѣдъ,—насмѣшливо подразнивалъ его лѣкарь.

— Ой, пригласитъ!—настаивалъ Евдокимъ Ивановичъ и подойдя, какъ ни въ чемъ не бывало, къ обиженному судьѣ, началъ заискивающимъ тономъ:

— Извините пожалуйста; но къ сожалѣнію завтра я не могу быть вашимъ гостемъ... ужъ вы простите, пропасть дѣла... почта...

— Очень жаль,—сухо отвѣтилъ судья.

— Впрочемъ, я какъ-нибудь постараюсь... добавилъ Евдокимъ Ивановичъ.

— А, вѣдь, навѣрное постарается, — шепнулъ Петя Ершовъ (сынъ исправника) на ухо своей подругѣ Манѣ, хорошенькой, тоненькой, четырнадцати-лѣтней дѣвочкѣ.

— Я очень рада, что Евдокимъ Ивановичъ испортилъ вареньемъ шапку судьѣ, смѣясь отвѣчаетъ Маня. Это для него хорошее наказаніе... Стоитъ только чтобъ какая-нибудь вещь понравилась ему, онъ сейчасъ ее въ шапку—и дѣло съ концомъ.

— Папаша разсказывалъ, — продолжалъ Петя, что этотъ чудакъ своей странной слабостью сначала просто озадачилъ его; но потомъ кто-то объяснилъ ему:—не безпокойтесь, всѣ вещи, добытыя такимъ

образомъ, нашъ судья, не стѣсняясь, кладетъ на столъ, и всякій преспокойно можетъ взять свое обратно... Оригиналы они всѣ здѣсь... Описать ихъ... такъ, право, романъ вышелъ-бы преинтересный... березовскій.

Жара спáла. День былъ ясный, свѣтлый; лазуревое небо, какъ-будто улыбаясь, привѣтливо глядѣло на изумрудную зелень травы. Листья деревъ чуть-чуть трепетали. Множество маленькихъ птичекъ съ громкимъ щебетаньемъ безъ устали суетились по вѣткамъ. Маня въ бѣломъ коротенькомъ платьѣ съ розовымъ кушакомъ шла по усыпанной пескомъ аллеѣ, серьезно прислушиваясь къ словамъ Пети. Порой изъ подлобья она посматривала на своего спутника. Ему было лѣтъ пятнадцать, роста онъ былъ средняго, широкоплечій, худощавый, съ блѣднымъ лицомъ, которое красиво оттѣнялось черными слегка вьющимися на широкомъ лбу волосами; добродушные голубые глаза искрились жизнью и мыслью. Петя говорилъ съ большимъ одушевленіемъ, искусно рисовалъ смѣшные портреты окружающихъ, сочинялъ цѣлыя исторіи, перемѣшивая все это остроумными шутками.

— Браво, Петя!... Мастеръ ты разсказывать... Жаль только, что всѣ эти чудные образы останутся въ твоей головѣ и никогда не перейдутъ на бумагу!... съ горечью проговорилъ Коля Ершовъ, подходя къ гуляющимъ.

Годомъ старше брата, Коля поражалъ серьезнымъ даже отчасти суровымъ выраженіемъ лица.

— Почему это ты такъ думаешь?—нетерпѣливо спросилъ Петя.

— Я говорю по опыту. — Ты все только строишь планы и ни одного изъ нихъ еше не привелъ въ исполненіе. А какъ щедро одарила тебя природа, но что выйдетъ...

— Что выйдетъ? Ну, объ этомъ бабушка надвое сказала, либо дождикъ, либо снѣгъ, либо будетъ, либо нѣтъ. Все будетъ зависить отъ того, какова будетъ погода—коли попутная, такъ — развернемъ свое вѣтрило,

Въ путь далекій поплывемъ...

а если противная, такъ—прощай, что сердцу мило!

Будемъ жить, какъ всѣ живемъ.

— У тебѣ на умѣ только однѣ шутки.

— Не сердись, Коля. Вся цѣна мнѣ—грошъ, только одинъ грошъ...

— Стыдно, Петя, такъ говорить, — замѣчаетъ Маня.

— Да, вѣдь это правда; — весело продолжалъ Петя; одинъ грошъ—не больше. Когда я родился. я былъ слабъ и меня въ тотъ-же день окрестили. Кричалъ я нерѣдко по цѣлымъ часамъ, точно одержимый припадкомъ. Какая-то кумушка посовѣтовала мамашѣ продать меня нищему черезъ окно. Меня и продали за грошъ, конечно, на словахъ, а припадокъ-то прошелъ.

— Неужели?—удивилась Маша.

— Да, прошелъ и такъ-же вѣрно, какъ и то, что было время, когда Маня охотно помогала мнѣ впрягать въ бумажную карету четверку и шестерку таракановъ. Помните, какъ намъ было весело...

— Ты и теперь не прочь шалить, — рѣзко пе-

ребилъ его Коля:—Готовишь уроки шутя, а отвѣчаешь лучше меня. Ты много добра могъ-бы современемъ принести нашей бѣдной, суровой странѣ; но нѣтъ въ тебѣ ни любви къ родному краю, ни чувствъ истаго сибиряка.

— Ошибаешься, братъ!—запальчиво вскричалъ Петя, задѣтый за живое;—правда, у меня веселый нравъ; мнѣ-бы посохъ въ руки, да и маршъ гулять на всѣ четыре стороны—людей посмотрѣть, себя показать. Но я горячо привязанъ къ родной Сибири и никогда не забуду своей сѣверной красавицы. Поѣду въ Петербургъ, въ университетъ, буду учиться, но вернусь обратно сюда, чтобы работать здѣсь.

Коля грустно слушалъ его, ощущая въ душѣ смѣсь нѣжной любви, гордости и недовѣрія. По натурѣ своей онъ глубже и серьезнѣе относился къ жизни, часто задумывался надъ судьбою брата... Смутно понималъ онъ, что человѣкъ даровитый можетъ возвыситься надъ многимъ, но зналъ также, что и на самыхъ необыкновенныхъ людяхъ остаются слѣды первоначальнаго воспитанія. Конечно, подъ вліяніемъ честныхъ, хорошихъ родителей и березовскій міръ могъ не очень вредно вліять на Петю; но съ другой стороны мало образованная, испорченная среда не могла обогатить чѣмъ либо полезнымъ умъ и сердце даровитаго мальчика. Петя, хорошо подготовленный, рано поступилъ въ гимназію и впродолженіи всего курса былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ.

Когда юноши окончили курсъ въ Тобольской гимназіи, Павелъ Гавриловичъ, желая дать сыновьямъ высшее образованіе, переѣхалъ въ Петербургъ. Въ

1831 году Коля поступилъ въ университетъ на физико-математическій факультетъ, а Петя, которому только что минуло 16 лѣтъ рѣшилъ приняться за юридическія науки. По необходимости, а не изъ любви къ предметамъ выбралъ онъ юридическій факультетъ, сердце его лежало болѣе къ наукамъ историческимъ и къ литературѣ, но онъ не зналъ ни древнихъ, ни новыхъ языковъ. И такъ, на первомъ шагу къ высшему образованію, юноша не попалъ на свою дорогу.

II.

Въ то время въ Петербургскомъ университетѣ читалъ русскую литературу П. А. Плетневъ; самъ онъ не отличался своими научными заслугами; но его горячая любовь къ родному языку, умѣнье читать лекціи и заинтересовать слушателей своимъ предметомъ давали ему въ глазахъ студентовъ очень почетное мѣсто. Къ тому-же у него на вечерахъ бывали всѣ литературныя знаменитости своего времени, а Пушкинъ даже посвятилъ Плетневу своего „Онѣгина“. Студенты боготворили Пушкина и глубоко уважали профессора.

Всякая литературная работа, которую удавалось написать кому либо изъ молодежи, передавалась для предварительнаго просмотра Плетневу, и тотъ добродушно разбиралъ сочиненіе на лекціи, не называя имени автора,

Въ 1834 году Плетневъ прочелъ первую часть сказки „Конекъ-Горбунокъ“ и привелъ въ восторгъ всѣхъ слушателей. Студенты радостно привѣтствовали автора Петра Павловича Ершова. Но юный поэтъ просто и скромно отнесся къ восторженнымъ

похваламъ товарищей: онъ переживалъ тяжелое горе—смерть отца. Павелъ Гавриловичъ поѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ Херсонъ, откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ старушка вернулась вдовою.

Молодые сибиряки съ матерью поселились на Пескахъ, по 6-й улицѣ, въ небольшомъ сѣренькомъ домикѣ. Внутреннее помѣщеніе и меблировка вполнѣ соотвѣтствовали ничтожнымъ средствамъ хозяевъ и отличались только безукоризненнымъ порядкомъ и опрятностью. Когда имя автора „Конька-Горбунка" стало извѣстно, вокругъ него образовался небольшой кружокъ литераторовъ и музыкантовъ. Подъ вечерокъ пріятели довольно часто собирались потолковать, пошутить, посмѣяться. Въ это время Петръ Павловичъ искалъ разрѣшенія многихъ вопросовъ, тревожившихъ его душу. Онъ написалъ также нѣсколько либретто оперъ, но они остались неизданными. Либретто „Страшный мечъ" (большая волшебно-героическая опера въ пяти дѣйствіяхъ) написано талантливо:—живая фантазія, много чувства, прелестные стихи и въ особенности хороша заключительная пѣснь пѣвца Баяна.

Лѣтомъ того-же года, Ершовы кончили университетскій курсъ, но усиленныя занятія свели въ могилу брата Николая. Глубоко поразила Петра Павловича смерть брата... Оплакивая его, онъ сознавалъ, что потерялъ въ немъ нравственную поддержку, столь необходимую при мягкости и податливости его характера. Но крѣпкая любовь къ матери и твердое убѣжденіе, что онъ остается ея единственной опорой, поддержали энергію девятьнадцати-лѣтняго поэта.

Сумерки сгущаются и незамѣтно наступилъ уже вечеръ. Старушка Ершова дремлетъ въ большомъ мягкомъ креслѣ. Петръ Павловичъ и его университетскій товарищъ Андрей Константиновичъ Ярославцевъ помѣстились на низенькой скамейкѣ у пылающей печки, которая своимъ красноватымъ пламенемъ придаетъ своеобразный оттѣнокъ ихъ оживленнымъ и молодымъ лицамъ.

— Чтó ты теперь думаешь предпринять?—началъ Ершовъ.

— Покуда—необходимо поступить на службу, а тамъ, что Богъ дастъ!... задумчиво отвѣтилъ Ярославцевъ.—А ты все еще намѣренъ ѣхать въ Сибирь? Желаешь побольше собрать сказокъ?

— Нѣтъ. это чтó: созвать нѣсколькихъ старухъ, —вотъ тебѣ и сказки. Нѣтъ, у меня другая цѣль... тутъ Петръ Павловичъ устремилъ пристальный взоръ въ огонь; казалось, онъ съ наслажденіемъ думалъ о чемъ-то далекомъ, будущемъ...

— Можетъ быть, мы съ тобою тамъ увидимся...

— Какъ?!—съ удивленіемъ спросилъ Ершовъ.

— Мнѣ хочется погулять по Святой Руси, такъ можетъ быть и въ Сибирь загляну...

— Нѣтъ, у меня-то цѣль важная!... я хочу попутешествовать по Сибири...

— Что-жь? Ты намѣренъ описать ее?

— Да, по крайней мѣрѣ насколько это намъ удастся. Насъ можетъ быть соберется нѣсколько человѣкъ... Вотъ и ты бы присталъ къ намъ.

— Да какія-же у васъ средства для такого труднаго путешествія по сибирскимъ дебрямъ?...

— О средствахъ послѣ. Я потому предлагаю

тебѣ, что вижу—ты все желаешь новаго... Тутъ дѣло, братецъ, сложное: одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей, нѣкій Тимковскій, не докончивъ курса, перешелъ въ морской корпусъ, а теперь онъ на службѣ въ Американской компаніи... Ершовъ остановился и протянулъ товарищу указательный палецъ, который, точно змѣйкой, обтягивался чернымъ кольцомъ изъ розъ, съ серебрянной пластинкой и буквами М. О.

— Что это? спросилъ Ярославцевъ.

— Посмотри... продолжалъ Петръ Павловичъ: „Mors et vida—на путь и смерть!“ Видишь, внутри вырѣзаны мѣсяцъ, число и годъ, когда мы оба сговорились путешествовать по Сибири.

— Объясни, въ чемъ дѣло?—приставалъ Ярославцевъ.

— Пожалуй, только никому ни слова объ этомъ!

— Будь спокоенъ.

Петръ Павловичъ вынулъ изъ кармана письмо Тимковскаго изъ Америки и прочелъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ тотъ извѣщалъ его о своихъ успѣхахъ въ физикѣ, астрономіи и вообще во всемъ томъ, что считалъ необходимымъ для будущаго путешествія.

— Можетъ быть, и я приму участіе, но пока не даю слова... замѣтилъ Андрей Константиновичъ.

— Да, еслибъ ты согласился скоро,—отвѣтилъ Ершовъ,—то это заставило-бы меня только усомниться; притомъ-же мы думаемъ начать дѣло не ранѣе пяти лѣтъ...

— Видишь-ли, – съ живостью перебилъ Ярославцевъ,—мое намѣреніе обойти сперва Европу. Я го-

ворю обойти, потому что *поѣхать* не на что; по Европѣ ходили уже многіе безъ денегъ. А затѣмъ, сколотивъ копѣйку—и по Россіи. Опредѣленной цѣли пока у меня нѣтъ: мнѣ хочется видѣть природу и людей; взглянуть на все *хваленое* за границею, и потомъ, какъ-бы для сличенія, посмотрѣть наше отечество. Можетъ быть, даже, это—одна мечта, но желаніе сильное...

Ершовъ разсѣянно слушалъ Ярославцева и затѣмъ съ увлеченіемъ заговорилъ о красотахъ сибирской природы, о той пользѣ, которую можно сдѣлать бѣдствующимъ сибирскимъ племенамъ, изучивъ ихъ подробно, чтобы выработать планъ, какъ помочь имъ.

— Примутъ не примутъ,—мы свое дѣло сдѣлали; если-же не удастся, то, по крайней мѣрѣ, мы Сибирь узнаемъ—потомъ пригодится,—добавилъ онъ.

— Да и меня неотступно преслѣдуетъ мысль образовать себя,—сказалъ Андрей Константиновичъ;—все, чтó я до сихъ поръ видѣлъ и узналъ, очень ничтожно!...

— Когда отецъ, бывало, ѣдетъ по дѣламъ службы—съ жаромъ перебилъ Ершовъ—я, еще мальчикомъ, на колѣняхъ просилъ, чтобы онъ взялъ меня съ собою. Такъ любилъ я разъѣзжать... Да что и говорить... Коли на то пошло,—я покажу тебѣ дневникъ, въ который я записывалъ все, чтó нужно для нашего путешествія... И Петръ Павловичъ принесъ изъ другой комнаты толстую тетрадь, въ которой написанъ былъ подробный планъ путешествія: предполагалось собираться всѣмъ на зиму въ одинъ какой-нибудь городъ, лѣтомъ—путешествовать, а черезъ годъ—начать изданіе журнала, гдѣ-бы печатали все

интересное по части исторіи, географіи, физики, быта и пр.... Свѣдѣній будетъ вдоволь,—прибавилъ Ершовъ,—подписка на журналъ доставитъ новыя средства... Тимковскій обѣщалъ провести изъ Америки шкуну, чтобы пробраться по водѣ, гдѣ можно... Вѣдь и на флейтѣ я учусь собственно съ цѣлью воспользоваться ею во время путешествія.... Ты, Андрей, могъ-бы быть намъ очень полезенъ, какъ музыкантъ, при собираніи туземныхъ пѣсенъ. Слушай, я тебѣ прочту стихи, которые я написалъ при разставаніи съ Тимковскимъ, когда онъ уѣзжалъ въ Америку:

....Законъ небесный
Насъ къ славной цѣли предъизбралъ
И онъ же намъ, въ странѣ безвѣстной,
Ту цѣль въ разсвѣтѣ указалъ.
Какая цѣль?—Пустыни, степи
Лучемъ гражданства озарить,
Разрушить умственныя цѣпи
И человѣка сотворить...
Раскрыть покровъ небесъ полночныхъ
Богатства выпросить у горъ
И чрезъ кристаллы водъ восточныхъ
Подслушать тайныя сказанья
Лѣсовъ дремучихъ, скалъ сѣдыхъ
И вызвать древнія преданья
Изъ устъ кургановъ гробовыхъ...
Влеченью высшему послушны,
Мой другъ, оставимъ малодушныхъ,
Съ ихъ цѣлью жизни мелочной,
Съ самолюбивымъ ихъ разсчетомъ,
Изнемогать подъ вольнымъ гнетомъ
И смыться темною волною...
Не охладимъ святаго рвенья,
Пойдемъ съ надеждою впередъ.

Долго еще Ершовъ говорилъ о дѣвственной сибирской природѣ, о невниманіи къ ея богатствамъ по всѣмъ царствамъ природы, и разставаясь съ Ярославцевымъ, онъ, крѣпко пожимая ему руку, сказалъ: — Подумай объ этомъ дома, подумай хорошенько.

III.

По окончаніи университетскаго курса, Ершовъ прожилъ еще два года въ Петербургѣ и сталъ собираться въ Сибирь. Жаль ему было покидать кружокъ своихъ образованныхъ и даровитыхъ друзей; но замыселъ путешествовать по Сибири слишкомъ сильно овладѣлъ имъ, да и старушка мать постоянно вспоминала привѣтливый Тобольскъ и горячо стремилась къ нему. Лѣтомъ 1836 года Ершовъ покинулъ Петербургъ, оставляя за собой немногихъ хорошихъ знакомыхъ; онъ уѣзжалъ съ яркой надеждой осуществить со временемъ планъ задуманнаго имъ громаднаго созданія—изъ всѣхъ русскихъ сказокъ составить одну, нѣчто въ родѣ поэмы, гдѣ-бы главнымъ героемъ былъ „Иванъ-Царевичъ".

По пріѣздѣ въ Тобольскъ, Петръ Павловичъ вступилъ въ должность преподавателя латинскаго языка, съ которымъ онъ былъ знакомъ очень мало. Онъ училъ въ младшихъ классахъ, а въ старшихъ— Петръ Кузьмичъ Рѣзановъ, извѣстный своими странностями, но который, какъ выражались сами товарищи-сослуживцы, — собаку съѣлъ въ латыни. Ершовъ готовился къ каждому уроку, и дѣло шло сносно; но вдругъ, на его бѣду, Петръ Кузьмичъ захворалъ,

и ему волей-неволей пришлось заниматься со старшими учениками.

Приходитъ Петръ Павловичъ въ классъ.

— Ну-съ, чѣмъ изволите заниматься?—спрашиваетъ онъ учениковъ.

— Переводимъ Виргилія.

— Ну,—думаетъ Ершовъ,—попался, какъ куръ во щи, и громко продолжаетъ: Гм... Виргилія; это—не дурно, но дѣло въ томъ, что за Виргилія-то беремся, а подъ-часъ и грамматики не знаемъ. Просклоняйте-ка мнѣ „mensa" (столъ),—говоритъ онъ одному изъ мальчиковъ.

Ученикъ сталъ въ тупикъ, и обрадованный педагогъ готовъ былъ расцѣловать его.

— Значитъ, Виргилія-то мы пока въ сторону, а повторимъ лучше латинскую грамматику,—говоритъ онъ.

Урокъ начался; но какъ ни растягивалъ Ершовъ занятія, а все—дѣло плохо: еще класса два, и придется или возвратиться къ Виргилію, или подать рапортъ о болѣзни; но тутъ на его счастье Петръ Кузьмичъ выздоровѣлъ.

Вскорѣ затѣмъ сидитъ однажды Ершовъ въ классѣ и занимается своей любимой грамматикой, какъ вдругъ является къ нему ученикъ съ книгой и говоритъ:

—Петръ Кузьмичъ сомнѣвается, какъ перевести это мѣсто?

— Это мѣсто?... повторяетъ Петръ Павловичъ:— Гм... А какъ самъ Петръ Кузьмичъ переводитъ его?

— Такъ-то, отвѣчаетъ мальчикъ.

— Да иначе и нельзя перевести,—уклончиво произноситъ учитель, желая какъ-нибудь выпутаться изъ затрудненія.

Такая дѣятельность, конечно, была не по душѣ Ершову: взявшись за дѣло, котораго онъ не зналъ, онъ поступилъ противъ совѣсти, а такое сознаніе было крайне мучительно и унизительно для него. За то съ какой радостью промѣнялъ онъ латынь на каѳедру философіи и словесности въ высшихъ классахъ. Теперь онъ могъ свободно и всецѣло отдаться своему дѣлу.

Въ началѣ своего пребыванія въ Тобольскѣ, онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ очень замѣчательныхъ людей, занесенныхъ случаемъ въ этотъ отдаленный край. Какъ горячій любитель музыки, онъ особенно сблизился съ извѣстнымъ русскимъ музыкантомъ, Алябьевымъ, который, какъ-то въ спорѣ, шутя, сказалъ Петру Павловичу, что онъ въ музыкѣ ничего не смыслитъ.

— Ну, братъ, я докажу тебѣ на первой-же репетиціи, что ты ошибаешься!—возразилъ Ершовъ.

— Ладно, увидимъ, сомнѣвался тотъ... Вотъ и репетиція настала. Оба друга сѣли поближе къ музыкантамъ. Петръ Павловичъ увѣрялъ, что замѣтитъ малѣйшую фальшь. Въ то время первой скрипкой былъ отличный музыкантъ: онъ, при каждой ошибкѣ въ оркестрѣ, строилъ такія смѣшныя рожи, что хоть вонъ бѣги. Ершовъ все время съ него глазъ не сводилъ,—какъ только у первой скрипки рожа, онъ толкнетъ Алябьева въ бокъ. Не выдержалъ тотъ: въ половинѣ пьесы всталъ и поклонился поэту... Потомъ, когда Ершовъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло, Алябьевъ весело расхохотался.

Однако даровитые люди не долго окружали Петра Павловича, дни проходили однообразно и онъ, часто

смѣясь, говаривалъ, что здѣсь можно преспокойно проспать цѣлые полгода, а затѣмъ прямо сказать—„все обстоитъ благополучно“.

Пріѣздъ великаго князя Наслѣдника, впослѣдствіи Государя Императора Александра II-го, оживилъ на время городъ. Тобольскъ проснулся, точно послѣ летаргическаго сна: куда ни взглянешь,—вездѣ жизнь, вездѣ дѣятельность. Гимназія оживилась. Ершовъ, какъ учитель словесности, приготовлялъ сочиненія учениковъ; какъ библіотекарь—составилъ систематическій каталогъ, а какъ поэтъ—готовилъ по порученію генералъ-губернатора привѣтствіе. Во время посѣщенія гимназіи, Государя Наслѣдника сопровождалъ его воспитатель, извѣстный поэтъ Жуковскій. Стали представлять всѣхъ учителей. Когда очередь дошла до Ершова, то генералъ-губернаторъ и Жуковскій что-то тихо шепнули Государю Наслѣднику.

— Очень помню,—отвѣтилъ онъ громко и обратясь къ Ершову, спросилъ: — гдѣ онъ воспитывался и что преподаетъ.

— *Я не понимаю, какъ этотъ человѣкъ въ Сибири,*— замѣтилъ Жуковскій.

Но вотъ уѣхалъ Наслѣдникъ—и снова Тобольскъ задремалъ. Въ этой печальной обстановкѣ Ершовъ написалъ только нѣсколько мелкихъ и посредственныхъ стихотвореній и небольшую повѣсть „Сузье“, которую отправилъ въ журналъ „Библіотека для чтенія“, издававшійся въ то время А. Ф. Смирдинымъ, подъ редакціею О. И. Сенковскаго; но повѣсть оказалась неудачной.

Единственнымъ развлеченіемъ Ершова былъ театръ,

который учителя гимназіи построили на свой счетъ въ гимназической залѣ, желая доставить ученикамъ удовольствіе. Представленія шли успѣшно: ученики играли хорошо, режиссеромъ былъ Ершовъ; обширная сцена, прекрасныя декорація, изящныя костюмы и увертюры изъ лучшихъ оперъ въ антрактѣ, разыгрываемыя полнымъ оркестромъ—все это дѣлало спектакль хоть куда! Публики собиралось много. Временно Ершовъ оживлялся, но затѣмъ снова впадалъ въ апатію и съ грустью видѣлъ, какъ его мать хворала и чахла... Въ апрѣлѣ 1838 года, ее не стало. Теперь ничто не удерживало болѣе Ершова въ Тобольскѣ, и онъ могъ уѣхать; но колебался. Педагогическія занятія были ему не по сердцу; но они обезпечивали ему сносное содержаніе и онъ, изъ боязни пуститься на авось въ Петербургъ безъ всякихъ средствъ, остался учителемъ.

Оставаясь въ Сибири, Ершовъ серьезно и съ любовью относился къ своему дѣлу; онъ заботливо вывѣдывалъ отъ своихъ петербургскихъ друзей лучшія руководства на русскомъ языкѣ и пріобрѣталъ ихъ, не смотря на свои скудныя денежныя средства. Онъ написалъ весьма дѣльныя замѣтки „о гимназическомъ курсѣ“, показывающія, что онъ долго и всесторонне обдумывалъ этотъ предметъ и составилъ курсъ „Словесности“, который впрочемъ не былъ принятъ, такъ какъ его нашли не вполнѣ отвѣчающимъ понятіямъ воспитанниковъ.

IV.

Въ 1839 году двадцати-четырехъ-лѣтній Ершовъ женился на вдовѣ съ четырьмя дѣтьми, и такимъ

образомъ сразу обзавелся большой семьей и подвергъ себя многимъ лишеніямъ. Тогда онъ обратился съ просьбою къ друзьямъ и покровителю своему П. А. Плетневу, прося доставить ему возможность перебраться въ Петербургъ, гдѣ онъ службой и литературой надѣялся найдти средства для безбѣднаго существованія, Но просьбы его были напрасны; всѣ точно сговорились помѣшать развитію его таланта: редакторы не платили ему за стихотворенія, помѣщавшіяся въ ихъ журналахъ, Сенковскій, редакторъ „Библіотеки для чтенія", когда дѣло дошло до расплаты, прямо отказался платить деньги, говоря: — „Не понимаю, съ чего Ершовъ такъ смѣло требуетъ съ меня денегъ за свои стихи и назначаетъ даже имъ цѣну. Это точно торгъ на Сѣнной. Ему ничего не слѣдовало и не будетъ слѣдовать... Всѣмъ извѣстно, что я никогда за стихи не платилъ, какъ-же онъ можетъ требовать!"

И вотъ Петръ Павловичъ у домашняго очага сталъ искать забвенія отъ житейскихъ служебныхъ дрязгъ. Но не долго пришлось ему наслаждаться семейнымъ счастіемъ; не прошло и шести лѣтъ, какъ онъ овдовѣлъ. Смерть жены, женщины умной, развитой и способной сочувствовать ему, была новымъ тяжкимъ ударомъ для поэта въ безлюдьи, въ уединеніи и физически уже слабѣющаго въ тридцать лѣтъ. Некому было ободрить и поддержать его: Онъ остался одинъ, забытый людьми. Что онъ пережилъ и перечувствовалъ, сидя на могилѣ жены и разсѣянно глядя на дѣтей, которыя усыпали ее цвѣтами!... Такія минуты не проходятъ даромъ, — сильная натура бодрится, слабая усту-

паетъ и мельчаетъ. Прошло полгода, Ершовъ время отъ времени сталъ посѣщать своихъ знакомыхъ. Онъ искалъ чѣмъ нибудь наполнить душевную пустоту и черезъ годъ съ небольшимъ вторично женился. Но и вторая жена Ершова прожила недолго; она умерла, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей, для которыхъ необходимъ былъ материнскій уходъ. Петръ Павловичъ пришелъ въ отчаяніе; онъ забылъ и службу, и дѣтей и хотѣлъ даже выдти въ отставку, чтобъ куда-нибудь уѣхать. Но родственники жены настаивали, чтобы онъ снова женился. Не легко было сдѣлать выборъ; ему приходилось искать и жену и мать сиротамъ. Тутъ судьба сжалилась надъ несчастнымъ поэтомъ. Вскорѣ Ершовъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, которая только что пріѣхала изъ Россіи. Познакомившись съ нею, Петръ Павловичъ оцѣнилъ ея умъ и образованіе, а наивныя слова его старшей пятилѣтней дочери: „ахъ, папаша, какъ-бы я желала, чтобъ эта дѣвица была моей мамашей“ побудили его сдѣлать предложеніе. Скоро уладилась и свадьба—Ершовъ женился въ третій разъ, 10-го февраля 1854 г. До конца жизни онъ оставался добрымъ, заботливымъ, образованнымъ мужемъ и честнымъ человѣкомъ въ лучшемъ значеніи слова.

Сѣренькія заботы обыденной жизни все болѣе и болѣе втягивали Петра Павловича, хотя, по временамъ, въ немъ и пробуждались порывы къ творчеству; но тяжело было читать произведенія автора „Конька-Горбунка“: они ничѣмъ не отличались отъ многихъ бездѣлушекъ, ежедневно появлявшихся въ современныхъ журналахъ.

Въ 1851 году Ершовъ написалъ недурные на-

родные разсказы, озаглавивъ ихъ „Осенніе вечера“ Въ одномъ изъ своихъ писемъ Петръ Павловичъ говорилъ: „Время катитъ часъ за часомъ, день за днемъ, а Ершовъ сидитъ пнемъ. Но пень сохранилъ еще корни. Дождется яснаго солнца, да питательнаго дождя и пуститъ вѣтви отъ моря до моря и отъ рѣкъ до предѣловъ вселенной, разовьетъ свои соки въ вѣтви, зашумитъ зеленью и станетъ наливать плоды,—разъ, два, три, сто и тысячу. Кушайте, люди православные, себѣ во здравіе, свѣту въ утѣшеніе“.

Такая выходка Петра Павловича, вообще не любившаго говорить о неоконченныхъ своихъ произведеніяхъ, заставляетъ предполагать, что въ немъ не только росло и развивалось задуманное имъ громадное сочиненіе, вродѣ русской поэмы, „Иванъ-Царевичъ“, но даже, по временамъ, являлось и на бумагѣ. Въ оставшихся по смерти его рукописяхъ, листы которымъ Ершовъ, въ мрачныя минуты, зачастую бросалъ въ огонь, найденъ отрывокъ, подтверждающій эти догадки. Беремъ его цѣликомъ:

Рано утромъ, подъ окномъ,
Подпершися локоткомъ,
Дочка царская сидѣла,
Вдаль задумчиво глядѣла.
И широко, какъ алмазъ,
Слезка падала изъ глазъ,
Передъ ней ширинкой чудной
Лугъ пестрѣлся изумрудный,
И по лугу ручеекъ
Серебристой лентой текъ.
Воздухъ легкій такъ отрадно
Навѣвалъ струей прохладной!
Солнце утра такъ свѣтло,
Въ путь далекій свой пошло!

Все запѣло, все играло,
Лишь Царевна тосковала
Подъ косящатымъ окномъ,
Подпершися локоткомъ.
Наконецъ она вздохнула,
Тихо ручками всплеснула
И, тоски своей полна,
Такъ промолвила она:
„Всѣхъ пространнѣй царство наше,
Всѣхъ дѣвицъ я въ царствѣ краше:
Бѣлаличика красой,
Темно-русою косой,
Нѣжной шеей лебединой,
Рѣчью звонкой соловьиной;
Дочь единая отца...“

V.

Пассажиры, въ ожиданіи отъѣзда, столпились въ залѣ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ. Раздался звонокъ, раскрылись двери и толпа шумною волною поспѣшила занять свои мѣста. Показался локомотивъ, съ шумомъ выпуская паръ и мѣрно выбрасывая изъ трубы огромные клубы дыма. Раздались звонки, пронзительный свистъ,—и машина, тяжело пыхтя, понеслась какъ стрѣла, по рельсамъ.

Въ одномъ изъ вагоновъ 2-го класса сидѣлъ полный мужчина, средняго роста. Изъ подъ очковъ его добродушно выглядывала пара небольшихъ голубыхъ глазъ, пристально и внимательно слѣдившихъ за окружающимъ. По одеждѣ и манерамъ, съ перваго взгляда, легко можно было угадать въ немъ провинціала, на котораго производилъ сильное впечатлѣніе видъ желѣзной дороги, давно утратившій въ Петербургѣ и Москвѣ прелесть новизны. Пас-

сажиръ этотъ былъ никто иной, какъ хорошо знакомый намъ Петръ Павловичъ Ершовъ. Ему на время улыбнулось счастіе: въ концѣ января 1857 года онъ былъ утвержденъ директоромъ училищъ Тобольской губерніи и теперь, послѣ 22-лѣтняго пребыванія въ Сибири, ѣхалъ въ Петербургъ, по вызову министра народнаго просвѣщенія.

— Вотъ величественное и поразительное для непривычнаго глаза зрѣлище!—проговорилъ Ершовъ, обращаясь къ сосѣду.

— Вы изволите ѣхать первый разъ по желѣзной дорогѣ?—спросилъ тотъ, довольный удобнымъ случаемъ завязать разговоръ и тѣмъ сократить томительную скуку путевой праздности.

— Первый разъ вижу и долженъ сказать, что никакое описаніе не даетъ настоящаго понятія объ этомъ дивномъ изобрѣтеніи, дѣлающемъ высокую честь уму человѣка.

— Издалека ѣдете?

— Изъ Тобольска.

— Служите тамъ?

— Состою директоромъ училищъ Тобольской губерніи.

Разговоръ то оживлялся, то прекращался, и Ершовъ незамѣтно доѣхалъ до Петербурга. Онъ остановился въ гостинницѣ и поспѣшилъ увѣдомить о своемъ пріѣздѣ двухъ лучшихъ друзей Т-борна и Ярославцева. Радостно поспѣшили они на свиданіе съ дорогимъ поэтомъ и встрѣтились какъ студенты пріятели. Ярославцевъ грустно посмотрѣлъ на своего стараго друга: — изъ сухопараго восторженнаго студента выработался плотный, чуть-ли не

толстый инспекторъ съ замѣтнымъ брюшкомъ; мускулы и цвѣтъ лица не обнаруживали хорошаго здоровья, а на головѣ виднѣлось не мало сѣдыхъ волосъ. Завязался разговоръ, но это была уже не прежняя веселая бесѣда, полная шутокъ, жизни и юмора. Ершовъ теперь охотнѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ. О современной литературѣ онъ отзывался кратко и съ негодованіемъ. Его сильно интересовало четвертое изданіе „Конька-Горбунка", и онъ съ большимъ одушевленіемъ проговорилъ:

— Мой „Конекъ" снова поскакалъ по всему русскому царству. Счастливый ему путь! Но, вѣдь, „Конекъ" мой и самъ не простъ. Заслышавъ, тому уже 22 года, похвалу себѣ отъ такихъ людей, какъ Пушкинъ, Жуковскій и Плетневъ, и проскакавъ въ это время во всю долготу и широту русской земли, онъ очень мало думаетъ о различныхъ нападкахъ, а тѣшитъ людъ честный, старыхъ и малыхъ, и сидней, и бывалыхъ.

— А теперь есть у тебя что-нибудь написанное?—спросилъ Андрей Константиновичъ.

— Ровно ничего...

— А твоя русская поэма?...

— Къ чему?... Слава—дымъ... Да и не въ силахъ я создать что-нибудь,—сдержанно и уклончиво отвѣтилъ Ершовъ и заговорилъ о гимназіи и воспитанникахъ.

Въ полночь друзья разстались. Это свиданіе произвело тяжелое и смутное впечатлѣніе на Ярославцева и едва-ли не такое-же впечатлѣніе и на всѣхъ немногочисленныхъ, впрочемъ, его знакомыхъ, съ которыми онъ встрѣтился въ Петербургѣ. Но-

выхъ знакомствъ онъ не искалъ; жилъ какъ отшельникъ, не посѣтилъ ни музеевъ, ни театровъ и не выказалъ ни любопытства, ни любознательности, а какъ-то тоскливо повторялъ: — „Нѣтъ, поскорѣй-бы изъ Петербурга"!

Какъ-то разъ вечеромъ, часу въ одинадцатомъ, пришелъ къ нему Ярославцевъ. Петръ Павловичъ ложился спать. Андрей Константиновичъ хотѣлъ было удалиться, но Ершовъ удержалъ его. Они пробесѣдовали долго, и Ярославцевъ, увлекшись воспоминаніями о прошломъ, невольно спросилъ:

— Вспоминаешь-ли ты, Петръ, прежнія мечты, поѣздку въ Сибирь и завѣтныя буквы М. и О.?

— Все помню; но это были безплодные порывы. Впрочемъ, мои мечты хотя и не принесли никому пользы, но для меня онѣ—тѣ золотыя цѣпи, которыя связываютъ поэзію съ дѣйствительностью.

Онъ началъ мечтать, какъ бывало въ юности. Эта мечтательность, чистая и безупречная, но безсодержательная, утомила Ярославцева; онъ поспѣшилъ удалиться, будучи не въ силахъ долѣе скрывать свою грусть.

Только на обѣдѣ у Т—борна, куда пришелъ Ярославцевъ, да еще какой-то художникъ, Ершовъ оживился. Среди воспоминаній юныхъ лѣтъ, анекдотовъ, шутокъ и проэкта русской народной оперы, онъ напоминалъ прежняго талантливаго и многообѣщающаго студента. Жаль, что въ то время очень немногіе знали, что Ершовъ проживаетъ въ Петербургѣ: можетъ быть, искренно-радушный привѣтъ писателей хорошо-бы повліялъ на Ершова и встрепенулся-бы его талантъ.

Передъ отъѣздомъ Петръ Павловичъ посѣтилъ могилу брата Николая. Весна уже стала набрасывать свою зелень, и онъ сорвалъ свѣжую вѣтку въ память брата. Тутъ невольно вспомнилъ онъ нѣжные, полные любви упреки покойнаго и мысленно сказалъ себѣ: „Рабъ лукавый и невѣрный, для того-ли Богъ далъ тебѣ талантъ, чтобы ты зарылъ его въ землю?...“

Послѣ представленія министру и полученія пособія, Ершовъ 1 Мая 1857 года поѣхалъ обратно въ Тобольскъ. На станціи, при разставаніи, онъ говорилъ мало, задумчиво поглядывалъ вокругъ себя; его добродушный взглядъ, казалось, говорилъ: — Примите мою грустную улыбку отвѣтомъ на все...

VI.

Въ 1862 г. Ершовъ вышелъ въ отставку съ пенсіею въ 1080 р. Поводъ къ тому былъ серьезный. Люди и тутъ не пощадили поэта-дѣятеля... Онъ оставался жить въ Тобольскѣ; окончательно уединился, иногда только можно было видѣть Ершова на крыльцѣ его дома, гдѣ онъ сидѣлъ одинъ или съ дѣтьми. Съ каждымъ годомъ онъ становился религіознѣе и глубоко обрадовался, когда узналъ, что въ Безруковѣ, на мѣстѣ его рожденія, по желанію мѣстныхъ жителей построена церковь. Честнымъ остался онъ до гроба, доводя честность свою подчасъ до суровости. Кто-то изъ родственниковъ подарилъ дочери его шелковой матеріи на платье, и это ужасно раздражило Ершова.

— Прошу васъ избавить меня навсегда отъ такихъ подарковъ, рѣзко сказалъ онъ: — мои дѣти

могутъ носить только такое платье, какое я въ силахъ имъ сдѣлать.

За полгода до смерти Петръ Павловичъ получилъ пригласительный билетъ на юбилейный актъ пятидесятилѣтія С.-Петербургскаго университета. Почтальонъ принесъ письмо во время обѣда. Ершовъ распечаталъ, прочелъ его, перекрестился и со слезами на глазахъ, сказалъ:

— Слава Богу! меня не забыли...

Взволнованный, онъ всталъ изъ-за стола, пошелъ въ свой кабинетъ и заперъ за собою дверь. Вечеромъ, когда жена принесла ему стаканъ чаю, онъ обратился къ ней со словами:

— Поздравь: сегодня для меня самый пріятный день! Ты вѣрно, слышала, что я плакалъ. Но это были слезы — радости... Меня вспомнили въ торжественный праздникъ университета, гдѣ я былъ такъ счастливъ...

Что перечувствовалъ страдалецъ въ эти минуты; о чемъ лились его слезы? Не подумалъ-ли онъ,—что тамъ далеко его помнятъ, любятъ его, а онъ бѣжалъ отъ нихъ. Можетъ быть, если-бы онъ вернулся къ нимъ во время, если-бы не далъ жизни затянуть себя тиной мертвящаго покоя,—онъ сдѣлалъ-бы гораздо больше и не зарылъ-бы въ землю своихъ талантовъ. Теперь-же, безъ борьбы, безъ дѣла онъ молча разрушался. Смерть уже носилась надъ нимъ и вскорѣ тихо, спокойно скончался поэтъ. Въ день погребенія, 20 Августа 1869 года огромная толпа жителей Тобольска провожали останки усопшаго автора „Конька-Горбунка“.

V 362

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи. *А. Эспинаса.* Перевелъ со 2-го французскаго изданія *Ф. Павленковъ.* 500 стр. **Ц. 2 р. 50 к.**

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярной естественно-научной философіи *А. Секки.* Перев. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. **Цѣна 2 р. 50 к.**

Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей народныхъ школъ. Составилъ *Баронъ Н. Корфъ.* 7-е изданіе съ біографіей и портретомъ автора. **Цѣна 1 р. 25 к.**

Триста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ для всѣхъ 3-хъ отдѣленій начальной школы. *Барона Н. А. Корфа.* **Ц. 12 к.**

Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* **Ц. 60 к.**

Популярная химія. *Н. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 2-е изд. **Ц. 40 к.**

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно *изъ сельскаго быта.* (1812 задачъ и болѣе 3500 численныхъ примѣровъ). Составилъ *Т. Лубенецъ.* 4-е изд. **Ц. 40 к.**

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. Съ прилож. подробнаго конспекта. Курсъ 1-й, Правописаніе словъ. Сост. *В. Размраевъ.* Спб. 1885. г. **Ц. 50 к.**

Первоначальное правописаніе. Сорокъ диктовокъ съ указаніемъ грамматическихъ правилъ. *Н. А. Корфа.* Спб. **Ц. 12 к.**

Русская тля за границей. Двадцать семь очерковъ, рисующихъ жизнь нашихъ фланеровъ въ Парижѣ и въ Италіи. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Краткая физика. Съ 335 рисунками и 256 практическими задачами въ формѣ вопросовъ. Составилъ *М. Герасимовъ.* 300 стр. **Цѣна 1 р.**

Вятская незабудка. Сборникъ обличительныхъ статей, касающихся общественной жизни Вятскаго края. **Ц. 75 к.**

Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашенныхъ картъ: 1) Земныя полушарія. 2) Европа, 3) Азія, 4) Африка, 5) Сѣв. Америка, 6) Южн. Америка, 7) Австралія, 8) Рѣки и горы Европ. Россіи, 9) Европ. Россія, раздѣленная на губер. 10) Генеральная карта Европ. и Азіат. Россіи. **Ц. 30 к.**

Психологія великихъ людей. Сост. проф. *Г. Жоли.* **Цѣна 1 р. 25 к.**

Геніальность и сумасшествіе. Параллель между великими людьми и помѣшанными. Профессора *Ломброзо.* Пер. съ итальянскаго. **Ц. 1 р. 50 к.**

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ семи томахъ, съ портретомъ автора. Цѣна каждаго тома—**1 р. 50 к.** Въ переп. за два тома—**3 р. 50 к.**

Иллюстрированная христоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низшихъ учебныхъ заведеній и младшихъ классовъ гимназій (Съ 25 портретами лучшихъ рус. писателей). 360 стр. 3 допол. изданіе. **Ц. 1 р.**

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Спб. 1883 г. **Ц. 15 к.**

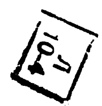
Курсъ русской грамматики. *В. Миропольскаго.* Для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1885 г. **Цѣна 1 р.**

Учебникъ химіи. Въ объемѣ курса реальныхъ училищъ. Составилъ *А. Альмадингенъ.* Спб. 1885 г. Съ 70 рис. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Начальная русская грамматика. *Н. Бучинскаго.* **Ц. 30 к.**

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Перевелъ и дополнилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* **Ц. 75 к.**

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *В. Иверсенъ* съ 43 рис. **Ц. 80 к.**

GAYLAMOUNT®
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N.Y.
Stockton, Calif.
U. C. BERKELEY LIB
C04276